

Очерк

СВЕТИЛЬНИК ТВОРЧЕСТВА

ЕГО жизнь похожа на полнотонную песню, каждая нота в которой говорит о большой человеческой красоте и всепоглощающей страсти души. Имя этой страсти — театр. Театру отдаются все помыслы, все чувства день за днем, год за годом.

Больше двадцати лет мы, жители Кавминвода, встречаемся с Михаилом Прокопьевичем Кузнецовым на традиционных гастролях Ставропольского краевого драматического театра им. М. Ю. Лермонтова. Проходит время — какие-то впечатления от старых спектаклей тускнеют, блекнут. Но образы, созданные Кузнецовым, живут в памяти, словно их видел вчера, настолько они сильные, психологически достоверны, неповторимы в своей индивидуальности.

Попробуйте выстроить в ряд сыгранных им героев, и перед вами предстанут люди, пришедшие к нам из разных эпох и слоев общества, совсем не похожие друг на друга ни по характерам, ни даже по физическому складу.

Вспомните... Дед Щукарь из «Поднятой целины». Неказистый старичок в западанной рубашке с жиденькой бородкой и острой лукавнячкой во взгляде... В трагедии Кузнецова образ был укрупнен, поднят до масштабов художественного обобщения. За смешными пространными «речениями» Щукаря нам открылись судьбы многоамериканной крестьянской бедноты, круто повернутые Октябрем.

А Кичигин («Чти отца своего») — кражистый, крепкий, умный? А Лопе («Крестьянка из Хетафе») — полный обаяния, весь какой-то кругленький и очень пластичный, сага испанского сеньора? И совсем иного душевного настроения старый врач Женихов («Не родись счастливым»), с мягкой грустинкой в размышлениях о собственной несложившейся жизни.

Разноплановость «амплуа» Михаила Прокопьевича поразительна. И кого бы он ни играл, его героев, освещенных особым внутренним светом, нельзя не полюбить.

Но есть в творческой деятельности М. П. Кузнецова одна сторона, которую он считает главной. Лениниана — дело всей жизни артиста, и этому делу он служит преданно и безраздельно.

Первые выступления Кузнецова в роли Ленина в «Юности отцов» Б. Горбатова и «Кремлевских курантах» Н. Погодина состоялись в конце сороковых годов, еще до Ставрополя. Но именно на ставропольской сцене Михаилу Прокопьевичу суждено было достичь на этом поприще зрелости таланта.

Помнятся гастроли ставропольцев в мае 1952 года. Мы увидели тогда три прекрасные работы М. П. Кузнецова, еще молодого актера. Хлестаков из бессмертного «Ревизора», негритенок Дик из пьесы В. Любимовой «Снежок» и Володя Ульянов в «Семье» И. Попова.

За «Семьей», ступень за ступенью, последовали: «Именем революции» М. Шатрова, трилогия Н. Погодина — «Кремлевские куранты», «Цветы живые», «Третья патетическая» — пьесы, где Ленин показан в различных обстоятельствах и взаимосвязях с людьми.

МИХАИЛА Прокопьевича собрал дома огромный материал о Ленине: фотографии, репродукции произведений со-

ветских художников, пластинки с драгоценными записями голоса вождя. Вчитывался в труды Ленина, в строки воспоминаний о нем.

Постепенно накапливался опыт. Артисту уже не приходилось тратить усилий на точность внешней характеристики (в передаче ленинской походки, жестов, интонаций и тембра голоса): это стало органичным. Удивительного сходства с Владимиром Ильичем достиг Кузнецов и в гриме.

Но по-прежнему, как когда-то в «Семье», каждый выход на сцену в образе Ленина сопровождался трепетным волнением и был для артиста ответственным экзаменом перед зрителями, перед товарищами по творческому труду, перед самим собой.

Каждый артист, если он настоящий художник, стремится по своему внутреннему багажу стать ровень со своими сценическими героями. Но Михаил Прокопьевич, выступая в роли Ленина, чувствовал себя в полужении человека, совершающего восхождение по ступеням безмерно высокой лестницы...

Раскрыть ленинский образ в целомом слиянии великого и простого, проникнуть во внутренний мир вождя революции, в его раздумья наедине с самим собой — эта задача была поставлена перед ним в спектакле «Третья патетическая», самом сложном из всей трилогии Н. Погодина. Ленин показан здесь в последний год жизни, тяжело больной и сознающий близость неизбежного исхода, но, по-прежнему полный неистощимой энергии, устремленности в будущее.

Игра Кузнецова в этом спектакле отличалась глубиной проникновения в мир ленинских чувств и мыслей. Он показал Ленина удивительно человеческого, принципиально непримиримого к врагам революции, как бы приближенного к нашему «сегодня», постарался раскрыть его философские раздумья о гармоническом развитии нового советского человека, о воспитании коммунистической психологии у молодого поколения.

А потом кинорежиссер Л. А. Кулиджанов пригласил Михаила Прокопьевича сниматься в фильме «Синяя тетрадь».

И здесь сложности, совсем особые. В «Синей тетради» нет динамики действия. Ленин показан не в центре революционных событий, среди рабочих масс, а в подполье — в Разливе. Но его ничто не может сломить. Отсюда, из тихого уголка в окрестностях Петрограда, он продолжает руководить под-

готовкой к вооруженному восстанию, пишет капитальный теоретический труд «Государство и революция».

Рабочий день актера начинался в шестом часу утра. Около пяти часов занимал грим. Потом начинались съемки в Разливе, эпизод за эпизодом, с бесконечными дублями. Съемки производились синхронно (одновременно с записью звука), что усугубляло трудности. И так до темноты. А наутро все повторялось снова, в том же порядке.

Мы помним великолепную игру Кузнецова, в которой были и лиризм, и теплота, и стремление запечатлеть стремительный полет ленинской мысли, его нестигаемую твердость и замечательный оптимизм в сложный для революции момент (июль 1917 года).

Несмотря на предельную загруженность, Михаил Прокопьевич успевал встречаться со старыми большевиками — Маргаритой Васильевной Фогановой, Александром Николаевичем Емельяновым, хорошо знавшими Владимира Ильича. Сколько ценнейших мелочей о привычках Ленина сообщали артисту эти люди, имевшие счастье встречаться с вождем революции в домашней обстановке.

И снова Ставрополь, «Кремлевские куранты». И снова — полная самоотдача, не щадя сил. Заслуженный артист РСФСР В. Г. Фоменко как-то рассказывал:

— Мы возили «Куранты» по колхозным клубам. Наш «Кузнецик» (так ласково, в шутку зовут Михаила Прокопьевича его товарищи, ветераны театра) всегда находил место, чтоб уединиться перед спектаклем, сосредоточиться, внутренне подготовить себя к выходу на сцену. Играя с Кузнецовым, нельзя играть кое-как, вполсилы. Его участие подтягивает всех остальных актеров, заставляет в любой обстановке играть с тем же подъемом, как на премьерке.

В конце 1970 года за выдающиеся заслуги в области театрального искусства М. П. Кузнецов был удостоен высокого звания народного артиста СССР.

Он остался таким же, каким был всегда: скромным, абсолютно лишенным тщеславия. Кузнецов избегает публичных выступлений, интервью с журналистами, не любит выставать себя напоказ. Но в неофициальной дружеской беседе иногда может раскрыться вдруг весь до конца — в своей огромной любви к ленинскому образу, с воплощением которого связана вся его творческая биография, в необыкновенной эрудиции в области «Ленинианы», которой может позавидовать любой историк, в увлеченности мечтаний и планов, в страстной заинтересованности творческими перспективами родного ставропольского коллектива, в котором живет и трудится вот уже больше двух десятилетий.

И хочется от лица всех зрителей пожелать любимому актеру и замечательному человеку большого счастья и дальнейших успехов на славном актерском поприще.

Е. СТЕФАНЕЕВА.

На снимке: М. П. Кузнецов в роли В. И. Ленина.